

АРХЕОЛОГИЯ

Р.М. Мунчаев

К ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МЕСОПОТАМИИ *(Доклад на Учёном Совете Института археологии РАН 7, XI. 2008)*

Позвольте мне сердечно приветствовать вас и поблагодарить за участие в сегодняшнем заседании Ученого Совета нашего Института. Естественно, я заранее знал, что мне предстоит выступить на нём с докладом. Не скрою, я подготовил даже два доклада. Первый из них связан с большой темой, разработкой которой я занимаюсь уже несколько десятилетий и которая касается проблемы этнокультурных связей Ближнего Востока и Кавказа в VI–III тыс. до н.э. Понятно, насколько сложна и ответственна эта тема. Но в результате многолетних изысканий, в том числе и моих собственных, как на Кавказе, так в Иране, Анатолии и Месопотамии, в настоящее время появилась возможность на конкретных данных осветить данную проблему и в свете новейших данных рассмотреть, в частности, вопрос происхождения знаменитой культуры раннебронзового века Северного Кавказа, а именно майкопской культуры.

Как известно, российская археология начала полевые исследования в Месопотамии лишь с 1969 года, т.е. всего 40 лет тому назад. Я стоял у истоков организации нашей Месопотамской экспедиции и с тех пор бессменно ею руковожу. Подготовленный мною доклад касается как раз истории российских археологических исследований в Месопотамии. В нём речь идёт не только о том, как создавалась первая российская экспедиция в Месопотамию и каких результатов она добилась там, но и о тех, кто способствовал своим многолетним и нелёгким трудом её успехам и некоторых из которых, к глубочайшему сожалению, уже нет среди нас. Поэтому я решил предложить Вашему вниманию именно этот доклад.

Открытие Месопотамии, как Вы хорошо знаете, началась в середине XIX в. Оно сопровождалось подлинным прорывом в науке и знаменовало рождение археологии Ближнего Востока. Сначала были открыты важнейшие центры великой Ассирийской державы с их величественными дворцовыми комплексами, впечатляющими храмовыми сооружениями и замечательными архивами письменных документов в виде клинописных табличек. Затем последовали открытия памятников более ранних цивилизаций – Шумера и Аккада – с их городами и блестящим искусством. Эти сенсационные открытия действительно взбудоражили весь научный мир. И не случайно, что в начале прошлого века стали говорить о том, что если XV век открыл миру Америку, то XIX век – Месопотамию.

Это было первое открытие Месопотамии! Оно сопровождалось ожесточённой борьбой между Англией и Францией. В эту борьбу за изучение Месопотамии позже включаются также Германия и США, а далее Италия и Дания, а в послевоенные годы Япония, Канада и даже Австралия и Польша.

Уже с конца 20-х годов XX в. внимание учёных стали привлекать памятники значительно более глубокой древности. Их исследования в 40–50-е годы позволили наметить основные ступени развития Месопотамии в VIII–IV тыс. до н.э. Ста-

ло очевидно, что Двуречье и особенно его северные области являлись одним из древнейших в мире очагов возникновения земледелия и скотоводства и сложения раннеземледельческих культур, явившихся очагом формирования месопотамской цивилизации – самой ранней цивилизации в истории человечества. Это уже стало вторым открытием Месопотамии.

Известно, что учёные России внимательно наблюдали за археологическими открытиями в Месопотамии и внесли немалый вклад в их анализ и историческую интерпретацию. Достаточно вспомнить при этом ставшие классическими труды таких корифеев российской науки, как М.В. Никольского и Б.Н. Тураева, а позже И.М. Дьяконова и других.

Я не стану сейчас рассматривать причины того, почему так получилось, что российские учёные не участвовали в полевых исследованиях в Месопотамии ни в XIX в., ни в первой половине XX в. Ведь стало ясно, насколько важны археологические свидетельства Месопотамии для исследования общих закономерностей исторического развития и основополагающих их факторов, ряд которых, такие, как переход к производящей экономике, возникновение городов и сложение древнейших цивилизаций, корнями своими уходят в междуречье Тигра и Евфрата. Для решения этих проблемных тем, естественно, следовало пользоваться материалами не из «вторых рук», а иметь собственную источниковую базу. Словом, так дальше продолжаться не могло, российской науке необходимо было начинать полевые работы в Месопотамии. И она их, хотя и с большим опозданием, всё-таки начала.

В 1966 г. на открытие Национального археологического музея Ирака была приглашена делегация АН СССР в составе Б.Б. Пиотровского, моего учителя Е.И. Крупнова и А. Халидова. Именно там при переговорах иракская сторона прямо поставила вопрос: почему до сих пор в Месопотамии не работает археологическая экспедиция самой дружественной Ираку страны – Советского Союза? Это, надо сказать, за живую задело членов нашей делегации, в особенности Е.И. Крупнова, тогда еще зам. директора ИА АН СССР. По возвращению в Москву Евгений Игнатьевич сразу же сделал доклад на Ученом совете Института об итогах поездки в Ирак, в котором особо подчеркнул срочную необходимость организации археологической экспедиции нашей страны в Месопотамии и с присущей ему энергией и темпераментом взялся за это непростое дело. Забегая вперед, отмечу, что его роль в создании первой российской археологической экспедиции в Месопотамии поистине огромна. Он должен был быть и её руководителем. Однако преследовавшая его болезнь сердца помешала этому. Но ему удалось всё-таки прослушать на заседании руководимого им Отдела неолита и бронзового века информацию об итогах первого сезона нашей месопотамской экспедиции. Никогда не забуду, как он был обрадован нашими первыми результатами и как искренне поздравлял нас. К глубокому сожалению, через год с небольшим, после этого, когда мы провели уже второй сезон, Евгений Игнатьевич скончался. Не могу не сказать, что на гражданской панихиде по случаю его кончины, состоявшейся в этом зале, приняли участие Генеральный директор Департамента древностей Ирака Исса Сальман и директор Национального археологического музея Ирака Фавзи Рашид.

В 1967 г. АН СССР командировала в Ирак Н.Я. Мерперта и Н.О. Бадера. Им, в частности, было поручено определить для нашей будущей экспедиции в Ираке объекты стационарных исследований. С этой целью они совершили поездки по значительной территории страны и в совершенно слабо изученном в археологическом отношении регионе Северо-Западного Ирака – Синджарской долине выбра-

ли группу из нескольких теллей в качестве возможных объектов наших будущих работ. Данный выбор, полностью оправдавший себя в будущем, был одобрен иракской стороной, заинтересованной в том, чтобы, наконец, начала изучаться данная область Ирака, находящаяся на стыке с Сирией и Турцией. Теперь вопрос организации нашей экспедиции в Месопотамии перешёл в реальную плоскость. Но нужны были официальные решения директивных органов и Президиума АН СССР. Вы не представляете себе, как трудно было всё это пробить тогда. Но удалось это сделать, благодаря настойчивости Е.И. Крупнова, которого полностью поддерживал директор нашего Института Б.А. Рыбаков.

Наконец, в 1968 г. Президиум АН СССР принял долгожданное Постановление, в котором было дано поручение ИА АН СССР организовать сроком на четыре года археологическую экспедицию в Ирак по три месяца ежегодно (кстати, и в Афганистан на тот же срок), начиная с 1969 г. Действительно, весной 1969 г. российская экспедиция с опозданием от западной науки более чем на 100 лет впервые приступила к полевым исследованиям в Месопотамии. Перед экспедицией была поставлена задача изучения проблемы становления и генезиса древнейших раннеземледельческих культур и формирования месопотамской цивилизации.

И первый вопрос, наиболее сложный и ответственный, который встал перед дирекцией Института, как и кем укомплектовать нашу месопотамскую экспедицию. В Институте археологии, да и в других научных центрах страны, не было по существу специалистов по археологии и древним культурам Ближнего Востока, знакомых как с методикой полевых исследований в Двуречьи, так с основной проблематикой месопотамской археологии.

Кто же вошёл в состав первой российской экспедиции в Месопотамию? Научный костяк экспедиции составили, кроме меня, Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, В.А. Башилов и сотрудник ЛО Института востоковедения АН СССР археолог и арабист О.Г. Большаков, принимавший до этого вместе с Н.Я. Мерпертом участие в Египетской экспедиции АН СССР. И еще два участника нашей экспедиции в Египте, отлично зарекомендовавшие себя там, – Пётр Дмитриевич Даровских и Муса Умарович Юнисов также были включены в состав экспедиции в Ирак. М.У. Юнисов был сотрудником Института этнографии АН СССР и имел многолетний опыт участия в Хорезмской экспедиции. Что касается П.Д. Даровских, то это работник ГРУ в прошлом, которого порекомендовали Б.Б. Пиотровскому при создании Египетской экспедиции и который обладал незаурядными организаторскими способностями. Кстати, на него и его помощника М.У. Юнисова легла основная тяжесть в решении многочисленных хозяйственно - организационных, бытовых и технических вопросов экспедиции в 1968–1969 гг. П.Д. Даровских помогал Б.Б. Пиотровскому до этого один или два сезона на раскопках Кармир Блура, а также участвовал в организации экспедиции в зоне сооружения Саянской ГЭС. Он проработал в Ираке всего один сезон, а Муса Умарович семь или восемь лет. Их уже много лет нет в живых, но мы хорошо знаем, как много они сделали для нашей экспедиции и всегда с глубокой благодарностью вспоминаем их.

В последующем в состав экспедиции были включены В.И. Гуляев, известные археологи - кавказоведы И.Г. Нариманов, прошедший школу Института археологии АН СССР и ставший член-корр. АН Азербайджана, и зав. кафедрой археологии Тбилисского ун-та академик АН Грузии О.М. Джапаридзе, а также сотрудники нашего Института А.В. Куза и Г.Н. Лисицына. Последняя поработала в экспедиции полтора сезона, а О.М. Джапаридзе всего один. Остальные же трудились до

конца наших работ в Ираке. О работе каждого из них в этой экспедиции можно было бы долго рассказывать здесь. Но я хочу очень кратко вспомнить тех из них, кого нет сегодня среди нас. Это Горислава Лисицына, Андрей Куза, Владимир Башилов и Идеал Нариманов.

Горислава Николаевна многолетний сотрудник нашего института, палеогеограф, добившаяся серьезных успехов в развёртывании палеоботанических исследований в нашем институте. Она, в частности, изучила всю ценнейшую коллекцию палеоботанических находок из наших раскопок в Ираке и сделала важные заключения, касающиеся происхождения и развития древнейшего земледелия.

Как рано ушёл из жизни А.В. Куза! Это был очень талантливый учёный, блестящий специалист в области славяно-русской археологии, очень добрый, отзывчивый человек, весёлый и красивый мужчина. Он, надо признать, случайно попал в Иракскую экспедицию, но сразу же искренне полюбил Месопотамию и исследуемые экспедицией памятники и стал одним из самых деятельных членов экспедиции. Он делал всё – и хорошо копал, когда было нужно, неплохо чертил и всегда рисовал наиболее сложные предметы из находок. Выполненные им рисунки являются украшением наших изданий. Мы, хорошо знавшие Андрюшу, уверены, что, будь он жив, то продолжал бы, несмотря ни на что, работать с нами сейчас в Сирии.

Особая страница в истории нашей месопотамской экспедиции принадлежит, конечно, В.А. Башилову. Достаточно сказать, что он единственный из всех членов экспедиции, который не пропустил ни одного полевого сезона в Ираке – 12 на Ярыме и один в зоне реализации гидротехнического проекта Эски Мосул на правом берегу Тигра. Володя был человеком исключительного трудолюбия и поразительной организованности. Он буквально вгрызлся в работу, методично, шаг за шагом осваивая археологию Месопотамии. Владимир Александрович не только скрупулёзно работал над планами и разрезами своего раскопа на Ярымтепе 1 и немало времени проводил на керамической площадке, но и вёл полевую опись индивидуальных находок экспедиции. Вы хорошо знаете о том, что не так давно не без помощи вторгнувшихся в Ирак американских войск был разграблен Национальный археологический музей в Багдаде. Там, в частности, хранились раскопанные нашей экспедицией уникальные находки. К сожалению, мы не знаем до сих пор об их судьбе. Полагаю, что именно благодаря тем описям, которые были составлены Володией Башиловым, удастся восстановить весь перечень находок из Ярыма, хранившихся в этом музее.

Пожалуй, самой колоритной фигурой в экспедиции был Идеал Гамидович Нариманов. Ученик Е.И. Крупнова, он был душой экспедиции, которого все уважительно называли Муалим, т.е. Учитель. По многим признакам и прежде всего своим человеческим качествам он удивительно соответствовал своему имени. Как же Идеал-муалим чувствовал культурный слой телля! Думаю, что опыт полевых работ в Ираке в немалой степени способствовал его замечательным открытиям в Закавказье – именно ему принадлежит авторство в открытии древнейших раннеземледельческих культур Южного Кавказа. Его вклад, как и остальных членов экспедиции, в дело изучения археологии Северной Месопотамии трудно переоценить.

Уверен, что ни Н.Я. Мерперт, ни О.Н. Бадер, ни О.Г. Большаков, ни В.И. Гуляев, ни остальные, работавшие с нами как в Ираке, так и в Сирии, не обидятся на меня за то, что я специально не коснулся их огромной работы в нашей экспеди-

ции. Все они составляли стержень экспедиции и за исключением В.И. Гуляева, продолжили работать с экспедицией в Сирии – Николай Оттович и Олег Георгиевич до 1991 г., а Николай Яковлевич до 2004 г.

Сирийский этап Месопотамской экспедиции начался с 1987 г. В этот год мы – О.Н. Бадер, О.Г. Большаков и я – провели в Северо-Восточной Сирии, смежной с территорией Ирака сирийской Джебзире, разведки и выбрали в долине Хабура – главного притока Евфрата для раскопок большой холм под названием Телль Хазна и со следующего года начали его широкие исследования, продолжающиеся до сего времени. В Сирии к работам нашей экспедиции подключились представители нового поколения российских учёных, в основном сотрудников нашего института. Это прежде всего Ш.Н. Амиров, который вырос в экспедиции в видного специалиста по археологии Ближнего Востока, Ю.Б. Цетлин, Ю.В. Лунькова и В.Ю. Луньков, а также с.н.с. ИИАЭ Дагестанского НЦ РАН Р.Г. Магомедов и доцент Чувашского ун-та Д.Ф. Мадуров. Они приняли участие в исследовании иного в культурно-историческом и хронологическом отношении памятника, чем те, которые мы копали в Ираке. Если последние были связаны с разработкой проблемы происхождения производящего хозяйства и развития раннеземледельческих культур Северной Месопотамии, то Телль Хазна в Сирии отражала процесс сложения древнейшей цивилизации Ближнего Востока.

Позвольте мне теперь кратко осветить то, что сделала первая российская экспедиция в научном плане в Месопотамии. Я должен еще раз подчеркнуть, что мы пришли в Месопотамию, не зная методики исследования памятников этой страны и по существу основной проблематики месопотамской археологии. У нас не было здесь никакого задела, в то время как западная наука обладала уже более чем столетним опытом изучения Месопотамии, и добилась в Двуречьи больших и поистине впечатляющих успехов. Российская экспедиция должна была сделать что-то очень весомое, существенное и показать, как выглядит в действии российская археология. Ведь как только наша экспедиция начала работать в Ираке, об этом стало широко известно в научном кругу Запада и буквально через год, удивлённые размахом предпринимаемых нами исследований, там заговорили о «советской археологической экспансии на Ближнем Востоке».

Не могу не подчеркнуть, что мы были молоды, полны сил и самоотверженно трудились, чтобы постичь месопотамскую археологию. Нас не могли сломить никакие трудности, включая тяжелейшие природно-климатические условия иракской Джебзире. Я уже не говорю о всяких змеях, бесчисленных скорпионах и стаях комаров и всякой мошкары, которые сопровождали нашу жизнь в Месопотамии.

Для решения первой из поставленных перед экспедицией задач мы избрали для широких исследований три телля – Ярымтепе I, II и III, отражающих развитие трёх важнейших культур дописьменной Месопотамии – хассунской, халафской и убейдской. Мы одновременно же развернули широкие разведочные работы с целью поисков новых и более ранних памятников.

Как известно, до работ нашей экспедиции в Ираке самой ранней земледельческой культурой в Месопотамии считалась хассунская культура, относящаяся к VI тыс. до н.э. Она была представлена по существу одним, эпонимным памятником – Телль Хассуной в районе Мосула, исследованным к тому же на ограниченной площади и не доведённым до материка. Наши же раскопки Ярымтепе I – холма высотой 6 м и площадью около 1 га – охватили больше половины поселе-

ния и были выведены на значительной площади до основания. Нам удалось четко его стратифицировать, выделив в нём 12 строительных горизонтов. На раскопанной площади были вскрыты остатки более 1000 различных хозяйственно-бытовых построек, в том числе многоквартирных жилых сооружений, культовых построек, разнотипных очагов и гончарных печей, а также значительная группа погребений.

Впечатляет и добытый здесь археологический, палеоботанический и археозоологический материал. Мы располагаем сейчас самой крупной коллекцией хассунской керамики, включая редчайшую антропоморфную пластику, для изучения которой специалисты приезжают теперь к нам в Москву. Ни до, ни после наших раскопок Ярымтепе 1 ни один другой памятник хассунской культуры в Месопотамии не был столь широко и тщательно изучен. Достаточно посмотреть на эти слайды, ни раз нами демонстрировавшиеся, чтобы убедиться, насколько масштабны были его исследования.

Ведь одновременно мы развернули не менее широкие раскопки другого телья – Ярымтепе II, с семиметровым слоем, целиком принадлежащим следующей за Хассунской знаменитой халафской культуре Северной Месопотамии V тыс. до н.э. До наших исследований поселения Ярымтепе II лишь один халафский памятник был сравнительно широко раскопан и опубликован. Это Телль Арпачия, также в районе Мосула. Но и здесь слой не был по существу выведен на материк и так широко вскрыт, как на Ярымтепе II. Но мы провели раскопки еще одного памятника – поселения Ярымтепе III с восьмиметровым слоем халафской культуры. Хочу подчеркнуть, что почти вся площадь шестисотметрового раскопа на Ярымтепе II была доведена до материка. Ничего подобного не знала до этого месопотамская археология. Добытые нами материалы по халафской культуре хорошо стратифицированы и документированы. Они огромны по количеству и разнообразию и хранятся в национальных музеях Багдада и Мосула в Ираке, а наиболее массовая и значительная её часть – в нашем институте в Москве. Без знания последней невозможно сейчас изучать ни один вопрос, связанный с халафской культурой. Поэтому опять-таки специалисты вынуждены приезжать к нам и работать с нашими коллекциями здесь, в Москве.

Развитие халафской культуры в Северной Месопотамии сопровождалось распространением здесь не только совершенно новой формы архитектуры в виде однокомнатных домов типа толоса, но и удивительно богатой расписной керамики, а также не практиковавшегося в Месопотамии до этого обряда захоронения в катакомбах. Приведу один пример. До раскопок Ярымтепе 2 на халафских поселениях были вскрыты остатки менее десяти толосов и поэтому вопрос об их назначении оставался не ясным, большинство исследователей полагало, что это культовые сооружения. Наша же экспедиция на Ярымтепе раскопала около 80 толосовидных построек. Вы можете увидеть некоторые из них. После этого стало совершенно очевидным, что круглые однокомнатные дома являлись основной формой жилой архитектуры носителей халафской культуры. Округлыми в плане у них были также хозяйственные и даже культовые сооружения.

Обширна и впечатлительна добытая экспедицией коллекция археологического материала из халафских слоев Ярымтепе II и III, главным образом керамика, в особенности расписная, как монохромная, так и полихромная. Мотивы орнаментации – это преимущественно разнообразные геометрические узоры, весьма интересны и изобразительные сюжеты. Вы видели уже эту керамику, но посмотрите

на неё еще раз, в том числе и на образцы оригинальной антропоморфной скульптуры.

Очень важно, что нашей экспедиции удалось не только обнаружить эту прекрасную керамику, но открыть и исследовать гончарные печи, в которых она была обожжена. Это были большие и сложные двухъярусные конструкции, разделённые массивной глиняной рамой с продухами. Внизу находилась топочная камера, а наверху обжигательная, куда через специальные каналы и продухи поступал горячий воздух, и происходила термообработка сосудов. Одна из этих печей, распорванных на Ярымтепе II, была разобрана, перевезена в Мосул и установлена в экспозиции Национального музея.

Не могу не отметить, что повышенный интерес исследователей вызывает проблема происхождения халафской культуры. Она оказывается связанной с Южным Кавказом. Дело в том, что в этот и даже более ранний период поселения типа тепе с круглоплановой архитектурой характерны для культуры Закавказья. Есть точка зрения, согласно которой Халаф и южнокавказская культура – это как бы два ответвления одного большого культурно - исторического явления. Согласно другой же точке зрения, появление, в частности, круглопланной архитектуры в Северной Месопотамии в V тыс. до н.э. следует связывать с Закавказьем, где обнаруживаются в отдельных случаях и характерные образцы халафской расписной керамики. Здесь много пока спорного и не ясного, поэтому внимание к изучению Халафа будет еще долго-долго активно поддерживаться.

Но вернёмся к работам нашей экспедиции в Ираке. Развёрнутые экспедицией разведочные работы привели к неожиданным и весьма важным открытиям. Экспедиция, в частности, выявила в долине Синджара значительную группу древнейших раннеземледельческих памятников, в том числе таких ныне известных поселений, как Телль Сотто и Кюллитепе. Оба эти небольших по размерам памятника были исследованы нашей экспедицией и выяснено, что они представляют самые ранние оседлоземледельческие поселения на великой месопотамской равнине, предшествующие классической Хассуне. Культура, представленная этими памятниками, названа нами культурой Телль Сотто. Она непосредственно предшествует хассунской культуре и генетически связана с ней, составляя, по всей вероятности, её самый ранний этап. Забегая вперёд укажу, что позже на смежной территории Сирии мы открыли и исследовали и другой аналогичный памятник с почти 4-х метровым слоем культуры Телль Сотто.

Но это еще не всё. Разведочные работы экспедиции в Ираке увенчались еще одним важным успехом – впервые в данной области Месопотамии был открыт памятник докерамического неолита. Это – широко известное сейчас поселение Телль Магзалия, находившееся на грани предгорьев Синджара, где произрастали дикие виды пшеницы и ячменя, и долин Месопотамии, куда эти злаковые распространялись в процессе их культивации. Поселение располагалось на высоком берегу реки и было застроено большими домами на каменных фундаментах, а также ограждено с напольной стороны мощной каменной стеной. Последняя, кстати, представляет древнейшее оборонительное сооружение, открытое в Месопотамии, и одну из наиболее ранних фортификаций вообще. Культурный слой памятника достигал восьмиметровой толщины и не содержал ни единого обломка глиняного сосуда. Нам удалось вскрыть на отдельных участках до основания всю толщу культурных напластований памятника и получить не только важные свидетельства о планировке, формах домостроительства и фортификации поселения, но и

чрезвычайно ценные палеоботанические и археозоологические данные. Они как раз позволили проследить процесс возникновения и генезиса древнейшего земледелия и скотоводства в рассматриваемой области Месопотамии в VIII тыс. до н.э. Собранный здесь коллекция зёрен диких и культурных видов злаковых достигает более 300 образцов. Для исследования процесса развития земледелия важное значение имели также обнаруженные в Ярымтепе остатки дикого ячменя, эгилопса, бобовых и – самое главное – промежуточных форм злаковых, в частности между дикорастущим и культурным ячменём.

Изучение же остатков фауны из Магзалии показало, что если в ранних слоях поселения представлены в основном кости диких животных (бизона, онагра и газели) и лишь единично домашних (козы и овцы), то на среднем и позднем этапах жизни поселения количество костных остатков домашних животных заметно возрастает.

Особо отметим и тот факт, что в Телль Магзалии обнаружено древнейшее в Месопотамии орудие из меди в виде шила и целый ряд кусочков медной руды. Выяснено, что медь, из которой изготовлено это орудие, выплавлена из руды, добытой в центральном Иране. Основным же материалом для производства орудий труда в Телль Магзалии служил обсидиан, доставлявшийся сюда из района озера Ван, что в 600 км от Синджара.

Таким образом обитатели предгорий Синджара уже в VIII тыс. до н.э. не только сооружали укрепленные посёлки и строили большие дома на каменных фундаментах, но и поддерживали связи с племенами достаточно отдалённых от них регионов. Они довольно рано начали осваивать и металл.

В свете отмеченного понятно, почему Телль Магзалия представляет в настоящее время один из опорных памятников для решения важнейшей проблемы сложения древнейшего земледелия, скотоводства и металлургии в Месопотамии.

Как видите, российская экспедиция провела в Ираке за короткий срок беспрецедентные по масштабам и хронологическому охвату археологические исследования, которые внесли существенный вклад в изучение основных этапов культурно – исторического развития дописьменной Месопотамии, от времени сложения производящих форм хозяйства до формирования древнейшей месопотамской цивилизации. Мы можем с гордостью сказать, что итоги исследований нашей экспедиции в Месопотамии получили широкое международное признание. Понятно в этой связи, например, заявление известного английского учёного-специалиста по древней Месопотамии Джоан Отс: если до недавнего времени, писала она, британская наука доминировала в изучении археологии севера Месопотамии, то отныне эта роль перешла к российским учёным. Другие же видные западные специалисты единодушно признают, что в настоящее время невозможно изучать археологию дописьменной Месопотамии без учета результатов российских исследований в Двуречьи. Нам очень приятно, что итоги наших работ в Ираке по достоинству оценены и в России. В 1999 г. группе сотрудников экспедиции (Н.О. Бадеру, Н.Я. Мерперту и мне) присуждена Государственная премия России в области науки за вклад в изучение древней Месопотамии.

Извините, мой доклад несколько затянулся, но я не могу коротко не коснуться и некоторых итогов работ нашей экспедиции в сирийской части Месопотамии. Начавшаяся в 1980 г. иракско-иранская война прервала надолго деятельность большинства зарубежных экспедиций, действовавших в Ираке. Многие из последних, в том числе и наша экспедиция, в последующем перенесли свои иссле-

дования на смежную территорию Северо-Восточной Сирии. Там мы в этом году, буквально три недели назад, завершили 20-й сезон полевых работ. Экспедиция все эти годы ведёт исследования уникального памятника конца IV – начала III тыс до н.э., представляющий собой древнейший в Северной Месопотамии культово-административный центр. Он называется Телль Хазна 1 и расположен в долине Хабура, в 25 км от г. Хассаке – столицы одноименной провинции Сирии, близ границ её с Турцией и Ираком.

Телль Хазна — это большой холм диаметром до 200 м и высотой 17 м. Культурный же слой его достигает 16 м толщины, из которых нижние 4 м принадлежат убейдской и урукской культурам Месопотамии (V–IV тыс. до н.э.). Остальная 12-метровая толща слоя относится к раннединастическому I периоду, датируемого первой третью III тыс. до н.э.

Здесь раскопана уже площадь около 5000 кв.м. или, другими словами, значительная часть южной половины телля, где вскрыты остатки более 500 различных хозяйственно-бытовых и культовых сооружений и где на отдельных участках пройден весь 16-тиметровый культурный слой памятника. На трёх, по крайней мере, платформах террасообразно располагались по овалу массивные сооружения беспрецедентной сохранности. Здесь, в частности на нижней террасе, находились храмовая башня – древнейший в Месопотамии зиккурат и ряд прихрамовых сооружений, а также огромные хранилища общественного зерна, сохранившиеся почти на первоначальную высоту, от 8.0 до 8.40 м. Вы можете видеть их на приводимых ниже слайдах. Археология Ближнего Востока рубежа IV–III тыс. до н.э. не знает до сих пор сооружений подобной сохранности. А древнейшие же храмы и другие общественные постройки Южной Месопотамии, известные по учебникам и многочисленным публикациям, представляют всего лишь реконструкции. Ведь они сохранились на высоту не более 1.0 м. Подчеркиваю, что речь идёт не вообще о памятниках Двуречья середины и второй половины III тыс. до н.э., а именно конца IV – начала III тыс. до н.э.

Понятно, какие массы людей надо было привлечь и организовать для сооружения такого мощного культово-административного центра, как Телль Хазна 1, где совершались различные религиозные акции и которое вместе с тем служило местом хранения и распределения общественного зерна, бесспорно, основного богатства и источника жизни и процветания населения Северной Месопотамии того времени. Всё это — несомненные признаки сложения ранней государственности в Северной Месопотамии, в частности в долине Хабура, которое было прервано здесь и не привело к завершению данного процесса из-за резкого изменения природно-климатических условий, вызванного наступлением аридизации.

Одним из важных объектов исследований экспедиций в последние годы являлась система фортификации и коммуникаций исследуемого памятника. Массивная обводная стена шириной около 2-х и высотой до 6-и метров окружала поселение на протяжении около 100 м. Экспедиция вскрыла её уже почти полностью. Верхняя её часть была вертикальной, а книзу она расширялась с внешней стороны и достигала местами ширины до 4-х метров.

На приводимых рисунках видно как она выглядела, от западного конца до восточного, где открыты остатки ряда массивных сооружений, в том числе сторожевая башня, проход – ворота и другие.

Проинформирую Вас очень кратко о некоторых результатах раскопок последнего полевого сезона на Телль Хазне, закончившегося в октябре 2008 г. В за-

падной части памятника экспедиция продолжала исследования ряда массивных прихрамовых сооружений, в том числе самое крупное из них площадью около 50 кв.м.

Значительные работы проведены и в центральной части телля, где вскрыт ряд сооружений, включая культового характера. Здесь же, ближе к самому центру памятника открыт на глубине 5 м участок одной из основных улиц, пересекавшей поселение с востока на запад, вымощенный камнем. Эта улица в виде коридора шириной более 1 м начиналась от тщательно устроенного прохода в восточной части обводной стены. Здесь, кстати, также открыт участок улицы, вымощенный камнем. От этой магистральной улицы отходили вовнутрь поселения другие улочки, четко зафиксированные нами в процессе раскопок Телль Хазны 1.

Мы уже, надо сказать, близки к завершению раскопок этого поистине удивительного памятника. В долине Хабура и, пожалуй, во всей Северной Месопотамии Телль Хазна 1 – это первый столь широко раскопанный памятник конца IV – первой половины III тыс. до н.э., т.е. периода, когда сложилась самая ранняя в истории цивилизация.

Исследования ряда памятников сирийской Джебзир и в первую очередь Телль Хазны 1 позволили существенно изменить представление о месте и роли Сирии в культурно-историческом процессе Ближнего Востока на заре формирования цивилизации. Если раньше Сирия представлялась маргинальным регионом, то отныне ясно, что это далеко не так, точнее, Сирия, наряду со Средней и Южной Месопотамией являлась составной частью древневосточного культурного очага, сыгравшего важную роль в сложении древнейшей в мире месопотамской цивилизации.